

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(4)''1914/1918''

DOI 10.26456/vthistory/2022.2.005–027

У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СМУТА В ЕВРОПЕЙСКИХ УМАХ ¹

В.П. Булдаков

Институт российской истории РАН,
г. Москва, Россия

Анализируя причины возникновения Первой мировой войны, историки готовы признать, что «Европа сошла с ума», но причин этому феномену не находят. По-прежнему господствует представление, что «разумные» политики могли бы предотвратить европейский конфликт. Автор показывает, что истоки войны были глубже. Ей предшествовал рост крайнего эмоционального напряжения во всех слоях европейского общества, обусловленный демографическим бумом, омоложением населения, информационной революцией и другими факторами, своевременно не замеченными исследователями. В этих условиях столкнулись между собой идеи империализма и интернационализма, милитаризма и пацифизма, национализма и социализма. В результате коммуникативный разум оказался подавлен своего рода коммуникативным инстинктом, что и сделало возможным возникновение европейской войны.

Ключевые слова: Европа, Первая мировая война, Россия, коллизии культуры, массовое сознание, патриотизм, национализм, социализм.

В июле 1914 г. Россия оказалась в состоянии не только «большой», но и «глупой», по словам М. Горького, войны. Обычные «малые войны» не только не угрожают существованию империи, но и, напротив, помогают выработать иммунитет от всевозможных нападений. В отличие от них, «большая война» – это жестокий экзамен на право исторического существования империи в прежнем виде. Для тогдашней России «большая война» стала проверкой курса и темпа её движения в стремительно менявшемся мире.

В принципе империя – это так называемая устойчиво-неравновесная система, поддерживаемая микроконфликтной самоорганизацией. Империи традиционного (архаично-патерналистского) типа, ориентированные на бытийственную стабильность, вместе с тем не выносят чрезмерно жесткого «порядка». Поэтому турбулентность рождается в них изнутри, будучи спровоцированной «духовной» деспотией и/или «бездушной» бюрократией.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта ИРИ РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

Если искренняя тяга людей к социальному обновлению наткнётся на непонимание власти, возникает опасность саморазрастания «малого» возмущения в духовном эпицентре системы.

Способна ли такая система продуцировать устойчивые патриотические настроения в экстремальных обстоятельствах? Сомнительно. Но кратковременный эмоциональный подъём непременно проявит себя: сработает инстинкт самосохранения, заставляющий консолидироваться вокруг исторической власти, несмотря на её очевидные слабости.

Связь войны с психическим состоянием общества не составляла секрета в предвоенное время. Беллетристы писали, что «основные причины такого огромного столкновения между собой народных масс, лежащей в основе всего государственного строя, всех форм социальной жизни и всех крупных исторических событий» коренятся именно в человеческой психике². Однако такой взгляд в «учёной» среде, упорно держащейся позитивистских установок, отклика не получал.

В современной литературе любят напоминать о патриотическом «настроении 1914 года», охватившем в России, как и в Европе, все слои общества. Действительно патриотические настроения в России, как и на Западе, проявили себя – однако лишь в европеизированной части общества³. Тем не менее, явление было экстраполировано на все социальное пространство, оставшись при этом неизученным. За общепонятным *образом* могли скрываться глубокие *различия* культурно-антропологического характера.

Природу империализма – феномена, о котором практически забыли современные исследователи, а равно и реакции на него – следовало бы рассмотреть под культурно-антропологическим углом зрения. Между прочим, Джон Гобсон в книге «Империализм» (1902) заметил, что его исследование «определенно относится к области социальной *патологии* (выделено нами. – В.Б.), и потому в нём не делается никаких попыток скрыть злокачественность недуга»⁴. Природа заболевания состояла в том, что новейшее социально-экономическое явление пробудило в людях архаичные инстинкты завоевания, господства, насилия. И эти инстинкты, вопреки этосу Просвещения, реанимировали социал-дарвинистские представления о самом смысле истории.

Убеждённость в том, что война – путь к оздоровлению экономики, сформировалось в Англии ещё во времена войны с Наполеоном. Вместе с тем развитие международных хозяйственных связей и успехи технологий меняли отношение людей к войнам. В конце XIX в. в российской печати с удовлетворением отмечалось, что масса изобретений находит себе применение в военном деле. От будущих войн – с любопытством ребёнка, играющего со спичками, – словно ожидали чего-то «интересного».

² Морозов Н. На войне. Рассказы и размышления. Пг., 1916. С. 118.

³ Stromberg R.N. Redemption by War: The Intellectuals and 1914. Lawrence, 1982. P. 51, 53.

⁴ Цит. по: Гобсон Дж. Империализм. М., 2009. С. 17.

В целом, при общем росте общественного богатства, европейская интеллектуальная ситуация становилась всё более противоречивой. Ощущение её неустойчивости беспокоило многих. Так, В.С. Соловьёв заговорил «о конце всемирной истории», в 1905 г. А. Белый опубликовал статью «Апокалипсис в русской поэзии», а в 1910 г. С.Н. Булгаков выступил с докладом «Апокалиптика и социализм». С другой стороны, возникал соблазн рывка в будущее – в том числе через «освободительную» войну.

Люди обычно не замечают, что психопатологические элементы социального бытия способны изменить течение исторического времени. Между тем «вирусы идей» способны к куда большей контагиозности, нежели вирусы биологические, особенно в стихийно глобализующемся мире. При этом бациллы «агрессивной беспечности» прежде всего поражают те страны и континенты, народы которых под влиянием бытового комфорта забывают об угрозах, вечно сопровождающих человечество: голоде, эпидемиях, войнах. И эти демоны прошлого непременно напомнят о себе в «беззаботном» социально-историческом пространстве.

В современных условиях преобладает представление о том, что войны можно было избежать⁵. На деле причины войн глубже, чем нам хочется думать. Они связаны с особенностями массовой психики, с её «срывами» под влиянием факторов непредсказуемости. Космист А.Л. Чижевский связывал это с «заразительным мором», в результате которого «психическое заражение или взаимовнушение достигает своей наивысшей точки», а массы превращаются в некую «собирательную личность», способную творить то, что ранее представлялось невозможным. Так раскрывается «вся обширная область человеческого безумия, неуравновешенности и страсти»⁶. Фактор «психического заражения» времён войн и революций масс вряд ли стоит отрицать. Другое дело – истоки заражения. Они представляются не столь отдалёнными, как казалось Чижевскому.

В начале XX в. некоторые мыслители вслед за Ф. Ницше признали, что европейские массы поражены ресентиментом (*Ressentiment* – злоба, злопамятство, фр.)⁷, связанным с кризисом эпохи Просвещения. «Ресентимент – это форма самоотравления, которая достигает высшей точки в мстительном побуждении, – пояснял Макс Шелер. – В этом участвует группа эмоций и аффектов, к которой принадлежат ненависть, недоброжелательство, зависть, ревность и злоба»⁸. Действительно, буржуазная Европа была пронизана подобными эмоциями, которые словно рыскали в поисках достойного объекта ненависти. Однако «просвещённые» верхи не хотели этого замечать.

⁵ См.: Киган Дж. Первая мировая война. С. 11; Angelow J. Kalkül und Prestige: Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Köln; Weimar; Wien, 2000; Schmid V. Der “Eiserne Kanzler” und die Generäle: Deutsche Rustungspolitik in der Ära Bismarck (1871–1890). Paderborn, 2003.

⁶ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. С. 40, 41.

⁷ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С. 69.

⁸ Scheler M. Gesammelte Werke. Bern, 1955. Vol. 3. S. 39

Позднее коллективный психоз связывали с личностью кайзера. Действительно, налицо был случай изоморфности массовой психики с маниакальными устремлениями лидера – феномен, отчетливо проявивший себя в XX в. Между тем, его суггестивные возможности были связаны с людской массой, а она претерпела резкое омоложение в связи с демографическим бумом. Значение этого феномена в условиях информационной революции было замечено непростительно поздно⁹.

Европейскому человеку начала XX в. суждено было сорваться либо в войну, либо в революцию. Что до России, то М. Шелеру приписывается заявление о «гении разделения», свойственном русскому человеку. Отсюда вывод: «Царство, разделившееся в себе самом, не устоит»¹⁰. Таким представлениям не следует удивляться: германские философы и писатели – от Ф. Ницше до Т. Манна – находились под влиянием Ф.М. Достоевского, который, в сущности, и заострил внимание на опасностях, таящихся *внутри* человеческого существа.

Тем временем в Европе множился слой людей, ненавидящих состояние «сытой безнадёжности». Появился тип социального активиста, вышедшего из низов и притягивающего социальных отщепенцев. На этой основе возникали сообщества протестной политической культуры. Ужасы возможной войны заслонялись перспективой революционного преобразования мира.

С другой стороны, сама картина спонтанного роста общественного богатства, нажитого «нетрудовым» путём, приводила человека толпы в состояние латентной агрессивности. Материальный прогресс порождал социальных «пасынков», именуемых со времен К. Маркса пролетариями. Человек превращался в изгоя, нуждавшегося в новой общности, объединённой идеей, символом, знаменем. Тогдашний европеец мог попеременно вдохновляться то идеей нации, то принципом «интернационалистского» её отрицания. Жажда «освобождения» могла быть использована личностями диссипативного типа. Однако, вопреки европейским социалистам и анархистам, непосредственное противопоставление пацифизма милитаризму было делом безнадёжным. Психика человека отстаёт от утопий.

Со времён франко-прусской войны Европа балансировала на грани военного конфликта. К этому привыкли, а потому в российских военных верхах на событие в Сараево должным образом не отреагировали. Формально шаг к войне сделал германский кайзер. За 20 дней до сараевского убийства он обещал Австро-Венгрии поддержку в случае её нападения на Сербию. Но был ли он единственным виновником развязывания войны? Ещё в мае 1913 г. германский рейхстаг, в котором было предостаточно социалистов, принял новый военный закон, открывший путь к созданию самой мощной армии в Европе. Так публично обозначился «милитаризм снизу»¹¹.

⁹ См.: *Heinsohn G. Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen.* Zürich, 2003.

¹⁰ Цит. по: Борис Петрович Вышеславцев, М., 2013. С. 337.

¹¹ См.: *Förster S. Der doppelte Militarismus. Die Deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-quo-Sicherung und Aggression (1890–1913).* Wiesbaden; Stuttgart, 1985.

В России о нежелательности военного столкновения с Германией предупреждали отдельные сановники и правые политики¹². Задним числом министр финансов П.Л. Барк утверждал, что в Совете министров «вполне сознавали, что неудачная война означает гибель великодержавной России и вероятную у нас революцию»¹³. Но эпоха не внимала голосу консервативных или слишком боязливых политиков. Сказывался другой и фактор. Российская разведка преувеличивала мобилизационные возможности своих потенциальных противников. В общем, памятью о провалах русско-японской войны, военные верхи боялись вовремя не среагировать на ближайший вызов, забывая о более отдалённой, но куда более опасной перспективе.

Вместе с тем перспектива столкновения империй по-своему стимулировала подъём национализма в зависимых от них народах. Настроение части польского общества выразила в ноябре 1914 г. издаваемая в Париже газета: «... Когда из поля нашего зрения... исчезнут владыки народов, помрачённые блеском всемогущества, – узрим под пепелищем, которое оставляет война, возрождающиеся зачатки новой жизни»¹⁴. Подобным соблазном были увлечены и чехословацкие политики. Т. Масарик даже опасался, что Антанта победит слишком быстро и идея независимой Чехословакии не наберет своих adeptов¹⁵.

Привычные ценностные основы рушились. Это стимулировало не только революционеров. В будущей войне были заинтересованы лидеры и многих малых наций, рассчитывавшие, что враждующие империи, соревнуясь в своей приверженности принципам «свободы наций», предоставят им ту или иную форму самоопределения или смягчат внутреннюю этнополитику. Эгоистичный национализм малых народов бездумно подталкивал Европу к войне.

Теперь ни в Европе, ни в России здравых предостережений не замечали. Если предположить, что к войне привели так называемые самосбывающиеся пророчества, то всех опередили писатели-фантасты. В Англии с 1899 г. художественная литература стала активно эксплуатировать не только тему немецкого шпионажа, но и германского нашествия на острова. Впрочем, в тогдашних фантазиях на Великобританию нападали не только немцы, но и французы¹⁶.

По части насаждения страхов немцы не отставали. Писали о «Расплате с Англией» (1900); в 1904 г. появилась книга «Всемирная война: фантазия германца» А. Нимана. В ней Германия, Франция и Россия, объединившись,

¹² См.: Soroka M. Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Aleksandr Benckendorff (1903–16). Farnham; Burlington, 2011. P. 241–142; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 343.

¹³ Барк П.Л. Воспоминания... Т. 1. С. 277.

¹⁴ Цит. по: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1201. Л. 1.

¹⁵ Масарик Т. Мировая революция. Прага, 1927. С. 140.

¹⁶ Фергюсон Н. Горечь войны. М., 2019. С. 43–45, 47.

выступили против общего врага – Великобритании. Будущая война обрелась техническими подробностями. Наиболее внушительный пример – «Война в воздухе» Г. Уэллса. Алармистская литература росла подобно снежному кому. Действовала логика «ресентиментного провоцирования».

Европейские страхи двинулись в Россию. В 1912 г. в Петербурге была опубликована книга «Европа в огне» о предстоящем столкновении России с Германией. В ходе войны Россия, избавившаяся от своего императора и передавшая высшую власть «главнокомандующему из народа», едва не проиграла, но за неё вступилась Франция, воздушный флот которой успешно «сокрушал немецкие твердыни». Сообщалось и о том, что против вторгшейся в русские пределы Австрии, названной «евнухом Пруссии», ополчились Сербия, Болгария и Черногория, которые и нанесли ей поражение. Нехитрая «шахматная» логика подсказывала: в грядущей войне Россия не могла проиграть.

В Германии предавались не только беллетристическим самообольщениям. Начальник Генерального штаба Х. Мольтке (младший) исходил из социал-дарвинистской логики: латинские народы уже прошли зенит своего развития, Британия преследует чисто материальные интересы, «одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении»¹⁷. Военный теоретик Ф. Бернгарди накануне войны вёл себя как провокатор, бичуя наивность пацифизма и бесполезность попыток устранения войн путём «третейских разбирательств». «Война... является высшим выражением истинной культуры и политической необходимостью в интересах биологического, социального и нравственного прогресса»¹⁸, – утверждал он, рассчитывая на блицкриг.

Придумывали и повод для мирового конфликта. Так, в романе французца П. Жиффара «адскую войну» вызвал случайный пожар во время «конференции мира в Гааге». В результате война новейшей техники и «азиатских» жестокостей захватила все континенты.

Казалось, невиданные людские потери в балканских войнах должны были образумить правителей и их подданных. Однако пересилила иная – полная надежд на тотальное обновление мира – логика. Позднее было замечено, что европейских «лунатиков» не могли разбудить ни социалисты, ни пацифисты¹⁹.

Примечательно, что ещё в 1907 г. появилась книга «Анархисты будущего», описывающая ситуацию в России и мире в 1927 г. В ней рассказывалось и о «победе анархистов в Риме», и о «покушении на Бебеля в Берлине», и готовящемся теракте против социал-демократа М. Горького, и об активизации демонистов, готовящихся «очистить мир посредством зла». Люди

¹⁷ Цит. по: Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2002. С. 165.

¹⁸ Бернгарди Ф. «Наша будущность». Воззвание к германскому народу. Пг., 1914. С. 4, 7, 58.

¹⁹ См.: Clark Ch. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. NY, 2014. P. 560.

словно играли с пугающей неизвестностью, втиснув её в современные «реалии». Писали и о близком «разрыве Думы с правительством», и о «революции в Германии». В общем, «старая Европа трещала по швам»²⁰.

Научная фантастика также словно формировала образ будущего. В 1913 г. В книге «Освобожденный мир» Уэллс отодвинул начало мирового конфликта к середине XX в., отметив при этом, что «с точки зрения здравого и обоснованного социального порядка, трудно понять и проследить мотивы, толкнувшие человечество на войну», в которой использовалось страшное оружие – «атомические бомбы»²¹. Будущую войну он воспринимал как «столкновение культур».

Практически всеми европейскими литературными новинками зачитывались в России. На обилие их военных фантазий до войны ссылался и П.Н. Милюков, выделяя в них притязания Германии на мировое господство²². Западные авторы фантазировали также о русской революции 1913 г., выдвинувшей выдающегося диктатора-полководца. Но алармистская фантастика не только провоцировала, но и успокаивала – реальная угроза превращалась в ней в предмет досужих рассуждений. Милюков убеждал, что теперь «война не вызывается интересами наций» и вообще она является «пережитком человеческой психологии»²³. А в торжество «пережитков» он, как убеждённый прогрессист и позитивист, не верил.

В тогдашней мифотворческой атмосфере войну не просто перестали бояться, некоторые на неё *надеялись*. Возник феномен «революции ожиданий». Томас Манн вспоминал немецкого социал-демократа, который «с невероятной настойчивостью» убеждал, что именно предвоенный патриотический подъём «стал причиной мировой войны, которую он назвал мировой революцией»²⁴. Коммуникативный разум оказался парализован всевозможными утопиями.

Объявление войны вызвало восторг в европейских образованных слоях. Происходило нечто странное: в Брюсселе толпы, которые несколькими днями ранее выступали в поддержку мира и международного социализма, теперь «прошли по тем же улицам, криками выражая поддержку войне»²⁵. Люди сами не заметили, что оказались во власти стадной агрессивности.

В редакции германских газет хлынули патриотические сочинения. Толпы выражали одобрение наступившей развязке; писали, что более миллиона добровольцев влилось в казармы. (На деле добровольцев было

²⁰ Морской Ив. Анархисты будущего (Москва через 20 лет). М., 1907. С. 3–5, 12.

²¹ Уэллс Г. Освобожденный мир. Повесть о человечестве. 1914. С. 88, 221.

²² Милюков П.Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. С. 48–51.

²³ Там же. С. 23, 101, 108–112.

²⁴ Манн Т. Размышления аполитичного. М., 2015. С. 418.

²⁵ Балобанова А. Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. М., 2007. С. 125.

185 тыс.)²⁶. Ситуацию в Берлине после объявления войны описывали так: «Волны взбудораженного народного моря заливали улицы... Царил пьяный разгул. Мелькали автомобили с пьяными офицерами, очевидно, возвращавшимися с кутежей, наряженными в женские шляпки, и хмельными кокотками в офицерских касках, пронзительно оравшими: “Deutschland, Deutschland überalles” и махавшими флагами...»²⁷ Вместе с тем отмечали, что среди манифестантов преобладали «зеленая молодежь и просто подонки общества». Напротив, немецкие рабочие были «удручены, держатся в стороне и не проявляют никакого энтузиазма»²⁸.

На деле на войне людским поведением руководил стыдливо скрываемый страх. 3 августа 1914 г. власти Дюссельдорфа телеграфировали в МВД, что 60 французских офицеров в прусской форме на 25 автомобилях пересекли границу, чтобы перевезти золото для союзнической России. Газеты подогревали «патриотизм» граждан, сообщая о замеченных автомобилях. В результате жертвами националистов стали не менее 28 «автомобилистов», включая женщин и детей. Властям пришлось успокаивать «бдительных» граждан: патриотизм приобрёл социально-деструктивное качество²⁹.

Со временем исследования историков развеяли представления об искренности патриотических чувств. Реальность была сложнее: прогрессистское сознание элит словно смешалось с историческим подсознанием низов. Германский исследователь М. Залевски отмечает, что «в высокотехнологичный, научно организованный мир модернизма просочились самые древние антропологические прототипы, даже невиданные до тех пор атавизмы». Возникла совершенно нехарактерная для эпохи Просвещения установка: всё или ничего³⁰. Это порождало эффект гетерогенного эмоционального взрыва. Один из немецких добровольцев писал о «непосредственном лицемерии великого чуда – исчезновения индивидуальности»³¹. Люди словно отторгали противоречия субъективной разобщенности ради квазирелигиозной «стадности».

Толпами двигал не столько безрассудный энтузиазм, сколько страхи перед неизвестностью. В народах Европы усиливалось ощущение общности судьбы, однако судьбы непредсказуемой – таков обычный путь формирова-

²⁶ Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006. P. 97–98; Залевски М. Немецкое общество и начало Первой мировой войны // Война и общество в XX веке. Кн. 1. С. 405.

²⁷ Сергеевский Н.Н. Записки пленника. Два с половиной месяца в плену у немцев. Пг., 1915. С. 14.

²⁸ Русское слово. 1914. 2 августа. (Экстренное прибавление).

²⁹ Müller S.O. Perspektiven einer Emotionsgeschichte an der Heimatfront im Ersten Weltkrieg // Германия и Россия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью / Отв. ред. А. Бауэркемпер, Н.В. Ростиславлева. М., 2019. С. 54–57.

³⁰ Залевски М. Указ. соч. С. 256.

³¹ Цит. по: Корнелисен К. Фронтное поколение немецких историков и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 256.

ния национального сознания. Отсюда растущая подозрительность к «чужим». В результате, как было замечено, судьбу войны и мира решили не «патриотические» массы, а «несколько сот тысяч бюргеров, распевających воинственные песни»³². Выплеснуть негативные эмоции, а то и просто желание похулиганить³³. Это не помешало представителям тогдашних элит выдать дурные страсти за глубокое и искреннее чувство.

Прогрессирующее представление о расколотости мира на «мы» и «они» не могло не вызвать волны шпиономании с выраженным этнофобским контекстом. Так, исследователи отмечают, что во Франции в период с 1871 г. до Первой мировой войны национализм пережил трансформацию от известных республиканских ценностей до антидемократизма и консерватизма³⁴. Представляется, однако, что произошла не просто идеологическая примитивизация национализма, но и агрессивная реанимация этнофобских его компонентов. Звучали утверждения, что немцы с помощью евреев «вытеснили наших соотечественников из различных отраслей торговли и промышленности, имеющих отношение к национальной обороне»³⁵.

Так или иначе, в начале XX в. людская психика явно не выдержала переусложнённости современного бытия. В Германии катализаторами «патриотических» настроений выступали пресса и правительство. Свою долю истерии добавляли «буржуазные женщины», осыпавшие цветами солдат. Характерно, что в России представительницы того же социального слоя встречали цветами и первых военнопленных. Это вызывало «патриотическую» реакцию: «О русские женщины! Быть может в то время, когда вы подносите немецким пленным цветы, ваши отцы, мужья и сыновья падают под ударами немецких палок»³⁶. Некоторые журналисты упрекали женщин в «извращенном желании эротических приключений»³⁷. Вероятно, все было проще: демонстрация христианского сострадания и всепрощения вызывалась потаённой надеждой на ответное гуманное отношение со стороны противника.

Страхи порождали этнофобские легенды. В сознании австрийских немцев укрепились представления о славянской измене³⁸. «Врагов» упорно искали и отыскивали во всех странах. Позднее один из ярких, но не особенно проницательных журналистов отметил, что немецкий народ, «ослеплённый стремлением к обогащению, жаждой первородства и завистью к более старым народам... сбился с верного пути». В новейших условиях немцам потребовался харизматичный лидер примордиалистского типа. В результате

³² Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). С. 238.

³³ Руга В., Кокарев А. Война и москвичи. Очерки городского быта 1914 – 1917 гг. М., 2008. С. 15–16.

³⁴ Girardet R. Le nationalisme français, 1871 – 1914. Paris, 1966. P. 21.

³⁵ Додэ Л. Перед войной. С. 4.

³⁶ Русское слово. 1915. 5 сентября.

³⁷ Verhey J. The Spirit of 1914. P. 73–75, 76–83.

³⁸ Миронов В.В. Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне. С. 23.

народ «быстро уподобился своему молодому кайзеру», и, увлекая друг друга, «они вместе пришли к крушению»³⁹.

В «настроение 1914 года» со стороны верхов и низов вкладывалось различное содержание. Исследователи отмечают, что в Германии энтузиазм охватил в основном буржуазные верхи, среди рабочих преобладали депрессивные ощущения. Особый страх ощущали горожанки, опасавшиеся безработицы. В целом же можно было говорить скорее об энтузиазме патриотичных мифотворцев, нежели о естественном порыве масс⁴⁰. Некоторые российские наблюдатели подтверждали, что во время объявления войны настроение немцев было «очень подавленное»⁴¹.

Вместе с тем обнаружилось немало «заучившихся» молодых людей, которые, казалось, обрели в борьбе с внешним врагом высокую жизненную цель. Сказывалось и чувство долга. Многим хотелось очистить Германию от буржуазного «материализма». Так или иначе, на смену страхам и печали приходили чувства солидарности, жертвенности, куража⁴². Нечто подобное наблюдалось и в Австро-Венгрии. В общем, достигнутый уровень гражданской консолидации общества принял извращённые формы. Уже в марте 1915 г. немецкие психиатры заметили, что многие воинственно настроенные юноши были склонны к истерии: к концу первого года войны через лазареты прошли более 100 тыс. солдат с различными её симптомами⁴³. Романтическое восприятие войны угасало перед лицом смерти. Похоже, что в России то же самое случилось ещё быстрее.

А пока русские туристы, встретившие начало войны в Германии, поражались уверенности немцев в грядущей победе и крайней подозрительности: едва ли не в каждом иностранце видели шпиона (*Подробнее см.: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. С. 33–34*). И всё же многие авторы возражают против однозначной оценки общественных настроений начала войны, отмечая чувство подавленности и тревоги в самых различных слоях населения во всех странах⁴⁴. Разумеется, были люди, одержимые стремлением к военным подвигам. «Война, как дурман, опьяняла нас, – признал позднее герой войны и философ Эрнст Юнгер. – Ведь война обещала нам все: величие, силу, торжество»⁴⁵.

Такие чувства подхлёстывались убеждением, что миролюбивая Германия окружена врагами, а потому война – единственный путь к «вечному

³⁹ Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). С. 314.

⁴⁰ Verhey J. The Spirit of 1914. P. 89, 92–95, 96–97.

⁴¹ Городцов В.А. Дневники ученого. 1914 – 1918. В 2 кн. Кн. 1. 1914 – 1915. М., 2019. С. 36.

⁴² Verhey J. The Spirit of 1914. P. 105, 99–101.

⁴³ Ziemann B. Front und Heimat. Ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914 – 1923. Essen, 1997. S. 43–44, 353.

⁴⁴ См.: State, Society, and Mobilization in Europe during the First World War. Cambridge, 1997. P. 225; Ferguson N. The Pity of War. L., 1998. P. 177; Ziemann B. War Experiences in Rural Germany. 1914 – 1923. Oxford, N.Y., 2007. P. 19–23.

⁴⁵ Юнгер Э. В стальных грозах. СПб., 2000. С. 35.

миру». Такая установка разделялась немецкими интеллектуалами. Так, обращение «К культурному миру» (Манифест 93-х) виднейших немецких ученых и литераторов, состояло из набора антитезисов: «Неправда...». В нём отрицалось даже нарушение немцами нейтралитета Бельгии. (Г. Лебон в 1918 г. отметил, что немецкие интеллектуалы, впад в мистическое исступление, «отрицают очевидное и интерпретируют факты лишь свете своих иллюзий»)⁴⁶. М. Алданов в связи с этим едко заметил, что «из 93-х авторов манифеста 12 имеют чин превосходительства, который, кстати сказать, все двенадцать не преминули отметить в своей подписи». С помощью подобных профессоров «государство стало откупщиком народной мысли»...⁴⁷. Г. Ландау подошел к этому вопросу глубже: в современном обществе идеологи (он имел в виду не только Германию – В.Б.) превращаются в «профессиональную толпу руководителей», в результате чего «героическое ощущение всепреодолеваемости... находит подкрепление и завершение в наивной рассудочности культурно низших»⁴⁸. В общем, «идея, овладевшая массами», способна породить невиданный ранее эффект.

Стоит отметить, что среди германских интеллектуалов встречались и пацифисты. Так, 16 ноября 1914 г. небольшая группа интеллигенции во главе с Георгом Николаи создала Союз нового отечества, призвавший к «скорейшему заключению справедливого мира без аннексий»⁴⁹. Одним из основателей Союза был А. Эйнштейн.

Однако основная масса немецкой профессуры активно поносила «торгашеский дух» – заразу, которую якобы распространяла Англия. Если русских учёных возмущала «германизация» науки, то их немецкие коллеги осуждали научную «англоманию». Наибольший военный энтузиазм в Германии, похоже, наблюдался именно в академической среде⁵⁰. Таков был побочный эффект социализации научного знания: «кабинетные» учёные впервые ощутили свою возросшую общественную значимость. Нарождающееся массовое общество обрело своих новых «пророков». Поразительно, но многие немецкие интеллектуалы готовы были взять в руки оружие. Подал заявление о зачислении в действующую армию М. Шелер – философ христианско-пацифистского склада. Однако его признали негодным к службе по состоянию здоровья. А в начале 1915 г. он выступил с книгой «Гений войны и немецкий гений», посвящённой «друзьям на поле боя». Война, по его мнению, это полезное средство для возвышения лучших наций и избавления от худших, ее корни – в самой жизни. По его мнению, «только метафизика войны способна ухватить ее сущность», что совершенно не доступно британскому уму, который «полностью увяз в эмпирических объяснениях и не способен отличать факты от сущностей»⁵¹. В общем, именно Германии,

⁴⁶ См.: Лебон Г. Вчера и завтра. С. 20.

⁴⁷ Алданов М.А. Армагеддон. С. 34.

⁴⁸ Ландау Г.А. Сумерки Европы. С. 58.

⁴⁹ Гилберт М. Первая Мировая война. М., 2016. С. 157.

⁵⁰ Verhey J. The Spirit of 1914. P. 94.

⁵¹ Scheler M. Der Genius des Krieges und Deutsche Krieg. Leipzig, 1915. S. 43.

лишённой недостатков старых европейских наций, предстояло стать гегемоном в обновленной Европе.

В этом Шелер был не одинок. В. Зомбарт в книге «Торгаши и герои» провозгласил, что «немецкое мышление и немецкое чувство заявляют о себе как решительное отрицание всего того, что хоть как-то напоминает английское или западноевропейское вообще мышление и чувство»⁵². Он был убеждён, что «война 1914 года есть война Ницше». Между тем Ницше ненавидел немецкий образ мысли и утверждал, что немцы в лице Пруссии заведут Европу в тупик. Что касается Шелера, то со временем он превратился в пацифиста.

А пока впервые в истории примордиалистские эмоции возрождались усилиями людей творчества. Т. Манн так передавал суть «идей 1914 года»: «После Испании, Франции, Англии пришла наша очередь отметить своей печатью и повести за собой мир... Мир должен обновиться под знаком немецкой эры»⁵³. При этом он разразился упрёками в адрес мирового сообщества иллюминатов и франкмасонов – представителей «ложной» цивилизации⁵⁴.

Очевидно, что европейский этос пошатнулся в своих религиозных основаниях. В России также обнаружили гегемонисты. Так, в ноябре 1914 г. В.Ф. Эрн, считавшийся христианским философом, выстроил галерею «врагов России» – от Канта до Круппа. Лекция называлась «Кризис современной Германии» с подзаголовком: «От Канта к Круппу». Первоначально Эрн назвал ее вызывающе: «Бронированный свищ», однако устроители на такое название не согласились⁵⁵.

Идея привилась. Несколько позже варшавский профессор уголовного права утверждал: согласно категорическому императиву Канта, следует, что «если завтра рушится мир, то сегодня надо казнить всех преступников»⁵⁶. Похоже, что этими авторами и двигало своего рода «культурное отчаяние». Так традиционное славянофильство сомкнулось с новейшим гегемонизмом. И таких русских людей, зазывающих духовно «переделать Европу», оказалось немало.

Характерно, что образ И. Канта нещадно эксплуатировался и с противоположной стороны. Известный британский германофил и расист Х. Чемберлен находил родство между религиозным мировоззрением Канта и «живым ядром учения Христа». По его мнению, Кант – «первый совершенный образец свободного германца», «истинный продолжатель Лютера»⁵⁷.

⁵² Sombart W. Händler und Helden, Patriotische Besinnungen. München, Leipzig, 1915. S. 55.

⁵³ Цит. по: Руткевич А.М. Идеи 1914 года. С. 43.

⁵⁴ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., 2014. С. 251.

⁵⁵ См.: Ильин И.А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903 – 1938). М., 1999. С. 84.

⁵⁶ Есинов В.В. Германцы. I. Жестокий народ. II. Жестокое право. Варшава, 1915. С. 33.

⁵⁷ Чемберлен Х.С. Основания девятнадцатого столетия. В 2 т. Т. II. СПб., 2012. С. 349, 352.

Между тем Канта при желании можно поставить в ряд «практичных» пацифистов. В работе «К вечному миру» (1795) он, полагая, что «кладбищем свободы» является деспотизм, выступал против аморализма в политике, вмешательства во внутривнутриполитическое устройство государств извне и «бесчестных военных хитростей», добиваясь конвенционного ведения войн.

Пытались обвинять немецкую философию и англичане, и французы. 8 августа (н. ст.) «интуитивист» А. Бергсон заявил, что разразившаяся война – это столкновение цивилизации с немецким варварством. Правда, критика воззрений Канта была не столь прямолинейной. Британский философ Дж. Г. Мьюрхед в феврале 1915 г. отмечал, что Кант служил прусской государственности, а не войне; фатальные последствия для Германии приобрел последующий наплыв материализма⁵⁸. Во Франции был создан Комитет изучения и документирования войны, в который вошли известные философы – Э. Дюркгейм, А. Бергсон, Ш. Сеньобос и др., намеренные издать серию брошюр, оправдывающих «справедливую войну»⁵⁹. Большинство тогдашних интеллектуалов ретиво набросилось на «чужую» культуру.

В России в серии статей, названных «Германская культура», утверждалось, что немецкий народ в силу своих низменных врождённых качеств впитал в себя идеи Ницше. В связи с этим развивалась расовая теория: немцы якобы близки тюркским племенам, они относятся к совсем другой психической расе людей, нежели кельто-славянские племена, издавна населявшие Европу⁶⁰. Дело дошло до того, что правый публицист М.О. Меньшиков объявил, что черноволосый Гёте кельтского происхождения, светловолосый Бисмарк «антропологически более славянин, нежели тевтон»⁶¹. Но в целом расистские характеристики, широко распространившиеся на Западе, в России не получили отклика – сказывалась пропагандистская легенда о морально-политическом единстве «своих» народов.

Тем временем, даже столкнувшись с тяготами войны, многие из немцев продолжали верить в «великое будущее» своего народа под «незримым руководством со стороны божественной воли»⁶². Это был «идеализм долга». «Ура, наконец-то я получил назначение, – писал студент-юрист незадолго до своей гибели в сражении на Марне. – Мы победим!.. Дорогие мои, гордитесь тем, что вы живете в такое время и являетесь представителями такого народа»⁶³. Во всех странах обнаружился целый слой молодых людей, словно намеренно рвущихся навстречу собственной гибели.

⁵⁸ Muirhead J.H. German Philosophy in Relation to the War. L., 1915. P. 21, 93.

⁵⁹ Меньшиков А.С. Философская полемика в начале первой мировой войны: «философия войны» (М. Шелер и Дж. Г. Мьюрхед) // Война и ответственность в рефлексии интеллектуалов (1918 – 1938). М.; Екатеринбург, 2019. С. 52.

⁶⁰ Новое время. 1915. 9 апреля, 13 июня.

⁶¹ Новое время. 1914. 27 сентября.

⁶² Корнелисен К. Фронтовое поколение немецких историков и Первая мировая война. С. 268–269.

⁶³ Цит. по: Руткевич А.М. Идеи 1914 года. С. 19.

В отличие от Германии, в Австро-Венгрии военный патриотизм строился не столько по расовому, сколько по имперскому принципу. «Военный энтузиазм» охватил не только города с немецким населением, но также венгерские, польские и хорватские крупные населённые пункты. М. Волошин писал о настроении, царившем в Будапеште: «Вокруг были лица с губами, разверстыми криком в форме омеги». Ему казалось, что он попал в неизвестную страну после завоевания её монголами⁶⁴. Чешские руководители также демонстрировали показную лояльность. К. Крамарж после сараевского убийства заверял, что чехи «никогда не покинут империю». 5 августа 1914 г. 166 чешских уездных земств и общин в особом адресе императору выражали верность династии и одобряли военные планы монархии⁶⁵.

Насколько искренни были подобные патриотические порывы? Как в России, так и за её пределами чехи были крайне разобщены – отсюда разнородные оценки. В записке лидера чешской национальной социалистической партии В. Клофача, адресованной главе российского МИДа С.Д. Сазонову, отмечалось, что «в Чехии мобилизация сопровождалась бурными демонстрациями со стороны народа и запасных... Протестовали резервисты, посылавшиеся на сербскую границу, и, что важнее, резервисты, отправляемые на русскую границу»⁶⁶. Т. Масарик вообще скептически относился к славянским идеям. Он вспоминал: «Призывники шли в армию с отвращением, как на бойню; были случаи неповиновения, отказов, начались преследования»⁶⁷. Однако в целом в Австро-Венгрии мобилизация проходила организованно и без задержек. Вечером 30 июля 1914 г. во Львове толпа местных русинов «двинулась к городской площади, распевая патриотические песни». Оркестр исполнял марш Радецкого; народ «пел гимн с обнаженной головой». Вышедший на балкон наместник поблагодарил манифестантов, на что толпа ответила громогласным: «Да здравствует Австрия! Да здравствует наш император!»⁶⁸.

Российская пропаганда уверяла в обратном. Пресса отмечала нежелание австрийских славян, итальянцев, румын и галицких русин воевать против России. Сообщали, что в августе имели место протестные акции на призывных пунктах⁶⁹. Лишь отдельные корреспонденты сообщали из Вены, что основу тогдашних военных манифестаций составляли чернь и шовинисты,

⁶⁴ Волошин М. Путник по вселенным. М., 1990. С. 130–131.

⁶⁵ Исламов Т.М., Хаванова О.В., Романенко С.А., Ненашева З.С. Австро-Венгрия в период Первой мировой войны. С. 430–431.

⁶⁶ Международные отношения в эпоху империализма. Сер. III. 1914 – 1917 гг. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 384.

⁶⁷ Цит. по: Сератионова Е.П. Чехи и словаки в огне Первой мировой войны // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 46.

⁶⁸ Шевченко К.В. Карпатские русины накануне и в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории Беларуси, России и мира. М., 2011. С. 187.

⁶⁹ Новое время. 1914. 10 августа.

особого воодушевления не было. При этом большинство подданных империи шло на войну сознательно, а пропаганда не играла в этом решающей роли⁷⁰.

Но что двигало тогдашними патриотами: любовь к своей империи или ненависть к её врагу? 1 августа 1914 г. украинские политические партии Австро-Венгрии создали «Головну українську раду». В её манифесте говорилось: «Царская империя на протяжении трёх веков ведет политику, цель которой – отобрать у порабощённой Украины её национальную душу и сделать её частью русского народа... Победа австро-венгерской монархии будет и нашей победой...»⁷¹ Под покровом «патриотизма 1914 года» могли таиться коллективно-эгоистические вождения, стимулируемые протестной увлечённостью. Со временем это не могло не сказаться.

Такой тонкий писатель, как С. Цвейг (с началом войны – офицер Управления пропаганды австро-венгерской армии), отмечал внутреннюю связь «первого испуга» и «неожиданного энтузиазма» жителей Вены, породившего видимую атмосферу всеобщего единения. Город и страна «считали в тот час, что переживают исторический момент..., и что каждый призван вернуть свое крохотное “я” в эту воспламененную массу, чтобы очиститься от всякого себялюбия»⁷². Иначе ощущали себя состоятельные австрийские крестьяне, больше озабоченные судьбой будущего урожая. Возникла противоречивая картина милитаристских и антивоенных настроений, доносов и даже поношений императора, идущих от низов и эмоционально взвинченных женщин⁷³.

Нечто подобное происходило с малыми народами России. Патриотические настроения искренне демонстрировали поволжские немцы⁷⁴. Некоторые проживавшие в России чехи – подданные Австро-Венгрии – готовы были «вступить в русское войско и тем на деле доказать свою любовь к Славянству»⁷⁵. В ноябре в украинской печати в России появились рекомендации всем украинским обществам «проявить лояльность без всяких двусмысленностей»⁷⁶. В декабре 1914 г. С. Петлюра подтвердил: «российские украинцы

⁷⁰ Русское слово. 1914. 3 августа

⁷¹ *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців 1884 – 1914: На підставі споминів. Львів, 1926. С. 720–722.

⁷² Мировые войны XX века: В 4-х кн. Кн. 1. Первая мировая война: Исторический очерк. М., 2002. С. 547.

⁷³ *Миронов В.В.* Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне. С. 19–20, 65–66.

⁷⁴ *Морозова Н.В., Назарова Т.П.* Эволюция «образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати). Волгоград, 2015. С. 74–76.

⁷⁵ Цит. по: *Валиахметов А.Н., Абдуллина Я.Р.* Стратегии «индивидуального выхода из войны»... С. 23.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 17

являются подданными России», а потому им надлежит «защищать государство, защищать свои хаты, свои поля»⁷⁷. Литовские буржуазные круги высказывались откровенно: «Велики будут жертвы войны, но и превосходные плоды она должна принести. Она освободит национальности, которые были поработаны Германией и её союзницей Австрией». Однако социалист В.С. Мицкявичус-Капсукас, критикуя подобные заявления, утверждал, что в письмах солдат-литовцев с поля боя и из лазаретов совершенно не видно никакого энтузиазма: «Точно подчиняясь неизбежному стихийному несчастью, они идут на смерть...»⁷⁸.

Со своей стороны, российская пресса ставила в пример военный энтузиазм англичан. В пропагандистской кампании и здесь активно участвовали университетские профессора. Сообщали, что среди желающих вступить в армию было 42 тыс. лондонцев, включая членов аристократических клубов⁷⁹. Публиковались фотографии патриотических манифестаций, впереди которых шли юные шотландские музыканты⁸⁰. А.Н. Толстой писал, что «война всколыхнула застоявшуюся веками жизнь Лондона»⁸¹. Патриотический подъём затронул и рабочих. К лету 1915 г. в армию вступило уже около 2 млн человек, после чего количество волонтеров стало сокращаться⁸². Относительно британского добровольчества высказывались и скептические мнения. Так, Н. Фергюсон полагает, что призыву «помог» скачок безработицы⁸³. С другой стороны, наплыв добровольцев был связан с престижем военной формы и перспективой неплохого заработка: можно было получать жалование и продвигаться по службе, даже находясь в плену. Разумеется, не обошлось без идеалистических побуждений.

Во Франции ситуация была сходной. Здесь войну также ждали. Пехотный офицер, отправившийся на фронт с одного из парижских вокзалов, так описывал царившее там настроение: «В 6 часов утра... поезд медленно отошел от перрона. Неожиданно, словно пламя, вырвавшееся из дотоле тлевших углей, грянула “Марсельеза”, заглушив слова последних напутствий». По ходу следования поезда новобранцев приветствовали на каждой станции.

⁷⁷ Петлюра С.В. Об отношении украинцев к войне. Письмо в редакцию «Русских ведомостей» // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914 – 1918: в 4 т. Т. 4: Демократия «страны нарушенного равновесия». М., 2014. С. 53–55.

⁷⁸ Мицкявичус-Капсукас В.С. Настроения Литвы // Первая мировая война в оценке современников. Т. 4. С. 57, 58.

⁷⁹ Петроградские ведомости. 1914. 12 сентября.

⁸⁰ Война и герои. Пг., 1914. № 5. С. 13.

⁸¹ XX век. Писатель и война. Архивные материалы Отдела рукописей ИМЛИ РАН. М., 2010. С. 20.

⁸² Прокопов А.Ю. Война и вопросы социально-политического развития Великобритании // Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 267–269, 285.

⁸³ Фергюсон Н. Горечь войны. М., 2019. С. 475.

Неслись возгласы: «Да здравствует Франция! Да здравствует армия!»⁸⁴. Похоже, многим европейцам хотелось просто «выпустить пар»⁸⁵.

Внешне единые эмоции скрывали разные идейные установки. По словам Р. Роллана, вроде бы остававшегося пацифистом, «один из наших молодых романистов, капитан», утверждал, что нынешние события – «возобновление революционной войны против феодализма... это – Воскресение Свободы»⁸⁶. Впрочем, в искренность самого Роллана верили далеко не все. Считалось, что его позиция «определялась чистым сентиментализмом, без какого-либо интеллектуального видения»⁸⁷.

К началу 1914 г. во Франции поветрие нового мессианизма уже не имело контраргументов. Осталось только сокрушить зло, сконцентрированное в Германии, считали консерваторы, и разрушить милитаризм, полагали социалисты⁸⁸. В сущности, это было подобием рождающейся на глазах антиутопии, истоки которой крылись в скрытом недовольстве «не оправдавшим себя» духом Просвещения. Со временем такое состояние умов назовут «закатом» и «упадком» Европы. Впрочем, простые люди были далеки от всего этого. И. Эренбург весьма скептически оценивал настроение обычных французов, которое другим казалось воинственным и патриотичным. Они не понимали, откуда взялась война и кому она была нужна⁸⁹.

Конечно, публично произносилось совсем иное. В августе 1914 г. во Франции утвердилось «партийное перемирие»: социалисты и монархисты готовы были продемонстрировать «священное единение» (хотя первые называли его навязанной формой классового сотрудничества). Возникло несколько патриотических лиг, призванных к сдерживанию антивоенных настроений. Лозунги «белого мира», «мира по соглашению», «мира без аннексий и контрибуций» расценивались как пораженчество. Было заметно усиление симпатий к России. В июле 1914 г. простые люди заявляли: «Если мы бросим Россию в беду, то и она от нас отвернется, и тогда мы уж получим сполна от Германии»⁹⁰. В основе всплеска «патриотизма» лежал страх перед неведомым, хотя внешне это выглядело осознанным единством нации. М. Волошин в письмах из Франции утверждал, что в «поголовной мобилизации» приняли участие культурные элиты и все классы населения⁹¹. Сам Волошин стремился в Россию, чтобы публично отказаться от военной службы. Однако его признали негодным – публичная демонстрация своих взглядов не удалась.

⁸⁴ Цит. по: Киган Дж. Первая мировая война. С. 88.

⁸⁵ Verhey J. The Spirit of 1914. P. 24–25, 97–112.

⁸⁶ Роллан Р. Виновники и жертвы войны. М., 1917. С. 4.

⁸⁷ Бенда Ж. Конец вечности. СПб., 2012. С. 204, 207.

⁸⁸ Le Naour J.-Y. The Great War between Degeneration and Regeneration // Uncovered Fields. P. 181–182.

⁸⁹ Эренбург И. Лик войны. Воспоминания с фронта, 1919, 1922, 1924. Газетные корреспонденции и статьи, 1915 – 1917. СПб., 2014. С. 37, 49.

⁹⁰ Ревякин А.В. Французский национализм и Первая мировая война // Война и общество в XX веке. Кн. 1. С. 240–245.

⁹¹ Волошин М. Франция и война // Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 134, 182–185.

Российские наблюдатели впечатлялись происходящим. Социал-демократ В.П. Акимов-Махновец сообщал из Парижа: «Многие рабочие говорят, что, если бы социалисты взяли инициативу отказа идти на войну, они бы их поддержали...». Некоторые писали, что мобилизация проходила «удивительно спокойно, ровно». Другие, напротив, отмечали, что обыватели начали громить лавки, к ним присоединились мерзавцы из России, «именующие себя политическими эмигрантами, а по поведению – воры, сутенеры»⁹². Некий русский студент 1 августа 1914 г. сообщал: «На вокзал привезли четырех немцев в качестве военнопленных... Не успели они еще выйти из вагона..., толпа, как дикие звери, набросилась на этих немцев... И только когда толпе заявили, что немцев ведут расстреливать в ближайшую деревушку, она с радостью удалилась». По словам автора письма, в этой обстановке наиболее сдержано вели себя рабочие⁹³. То же самое наблюдалось в Германии.

Довольно тонкую характеристику происходящего предложил социал-демократический «Форвертс». 2 августа 1914 г. в газете писали: «Сегодня решительный день... Гнетущая неизвестность давила всех... Леденящее мрачное предчувствие постепенно охватывает всех...». Неистовствовала только толпа у королевского дворца. Основная масса демонстрантов была настроена «мрачно и серьезно». Позднее газета констатировала: «То, что должно было наступить, наступило: дух патриотического угара быстро испарился... Безусая молодежь сразу исчезла, на месте остались только взрослые... Основной тон везде мрачный и подавленный...»⁹⁴.

Тем не менее, повсеместно замечали лишь горлопаниющих «патриотов». Дело дошло до того, что мэры многих городов Европы выступили с воззваниями к населению, призывая к порядку. В России также тон задавала молодёжь. Писали, что «на Балтике военные моряки... телеграмму о приготовлении к военным действиям приняли за объявление войны и потому встретили её криками “Ура!”». Молодые офицеры не хотели ехать на Черное море, так как были убеждены, что там войны не будет⁹⁵. В воспоминаниях сестры милосердия упоминается молодой драгунский офицер, который рвался на войну, опасаясь, что она кончится без него. Он был убит в первых же боях под Варшавой⁹⁶.

Комментируя подобные явления, Л. Андреев писал: «Энтузиазм – вот то необыкновенное состояние, которым охвачены сейчас и армии, и целые народы. Где пресловутая холодность уравновешенных англичан? Где былая скаредная осторожность жизни французского мещанства? Где наша роковая нерешительность, где мнительность наша, подрывающая силы, колеблющая

⁹² Цит. по: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 41.

⁹³ Verhey J. The Spirit of 1914. P. 94.

⁹⁴ Цит. по: Майский В. Германия и война. С. 122.

⁹⁵ Монастырев Н.А. Записки морского офицера // Честь офицеров. Записки и дневники участников Белого движения. М., 2010. С. 63.

⁹⁶ Семин Х.Д. Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 г.г. Кн. 1. С. 12.

волю?»⁹⁷ В.В. Шульгин отмечал, что та самая русская интеллигенция, которая во время русско-японской войны «насквозь пропиталась лозунгом “Чем хуже, тем лучше” и только в поражении родины видела возможность осуществления своих снов “о свободе”, – вдруг словно переродилась»⁹⁸. А.Н. Толстому казалось, что народ, которого считали не только униженным, но и «просто пропащим», «внезапно поднялся на такую нравственную высоту, что повел за собой города»⁹⁹. Между тем патриотичный П.Б. Струве усомнился: в принципе война может стать «школой общественного и морального воспитания», однако, «культурное значение войны теперь уменьшилось до крайности, и, пожалуй, война теперь есть даже отрицательное, разрушительное явление»¹⁰⁰.

Однако голос скептиков был незаметен. В августе 1914 г. на войну надеялись слишком многие «просвещённые» люди. Всякое крупное событие сопровождается неумным выплеском эмоций. Тем неожиданной смотрится разворот настроений в обратную сторону. В свое время В.И. Ленин много писал о «революционном шовинизме», охватившем европейский пролетариат. Ненависть к неприятелю была своего рода перверсией озлобленности, порождённой своим собственным существованием. Со временем всё могло вернуться на круги своя.

«Безрассудность эпохи» обычно выступает в романтических одеждах. Молодой офицер вспоминал, что на марше «настроение было праздничное, все были уверены в победе». Считали, что война будет «молниеносной и решительной по своим результатам»¹⁰¹. «Большой пока ресурс – это моральный подъём людей; боюсь, как бы ни был он скомпрометирован бессвязными действиями наших начальников...», – записывал 13 августа 1914 г. в своём дневнике врач, побывавший на русско-японской войне. Этот человек не строил иллюзий относительно будущего системы, непрерывно воспроизводящей холуйствующих бюрократов. «Вся ответственность за наши победы и поражения должна пасть на головы военачальников..., – считал он. – Им многое дано – они жестоко должны быть и наказаны...»¹⁰².

Российское будущее словно программировалось проницательными пессимистами. Им пытались противостоять «оптимисты», готовые соответственно пересмотреть все российское прошлое. «...Темна была бы история, останься она в руках Карамзиных, Соловьевых, Костомаровых, Ключевских»¹⁰³, – вздыхал В.В. Розанов. Позднее появились ещё более масштабные обвинения: «Больной кумир больного общества, бесталанный Чехов нало-

⁹⁷ Андреев Л.Н. В сей грозный час. Статьи. Пг., 1914. С. 66.

⁹⁸ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 113.

⁹⁹ Великая война в образах и картинах. М., 1915. С. 7.

¹⁰⁰ Русская мысль. 1914. Кн. 8–9. С. 168.

¹⁰¹ Попов К. Воспоминания кавказского гренандера. Белград. С. 11.

¹⁰² Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2016. С. 29.

¹⁰³ Розанов В.В. На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913 – 1915 гг. М.; СПб., 2007. С. 579.

жил на русскую жизнь того времени печать безвременья...». «Другим растлителем» был назван «патриарх русской революции Петр Струве». Так и возник «триумvirат: Ленин, Плеханов и Струве», который и свалил императорскую Россию¹⁰⁴. Обвиняли и «патологическую литературу Белинского, Герцена, Чернышевского, Писарева, Михайловского» и даже «убогую философию Льва Толстого»¹⁰⁵. Казалось, следовало бы задуматься о причинах распространения общественного пессимизма, однако проще было возвести следствие в причину.

Удивляться тому, что общественная паранойя может довести до конспирологического психоза, не приходится. Поразительно лишь то, с какой наивностью неврозы прошлого выдаются за истину в работах некоторых историков.

Список литературы:

1. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914 – 1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. – 714 с.
2. Гилберт М. Первая Мировая война. М., 2016. – 768 с.
3. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Алетейя, 2017. – 207 с.
4. Кизан Дж. Первая мировая война. М.: АСТ, 2002. – 572 с.
5. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911 – 1917. М.: РОССПЭН, 2001. – 461 с.
6. Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2016. – 414 с.
7. Краинский Н.В. Психофильм русской революции. М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 617 с.
8. Ландау Г.А. Сумерки Европы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 360 с.
9. Левицкий К. Історія політичної думки галицьких українців 1884 – 1914: На підставі споминів. Львів, 1926. – 736 с.
10. Лебон Г. Вчера и завтра. Сжатые мысли. М.: МАКС Пресс, 2016. – 175 с.
11. Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). Л.: Красная газета, 1929. – 314 с.
12. Манн Т. Размышления аполитичного. М.: АСТ, 2015. – 542 с.
13. Масарик Т. Мировая революция. Прага: Пламя-Орбис, 1927. – 367 с.
14. Милоков П.Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. М.: Гос. публ. ист. б-ка, 2003. – 126 с.
15. Миронов В.В. Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2011. – 408 с.
16. Морозова Н.В., Назарова Т.П. Эволюция «образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати). Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2015. – 335 с.
17. Роллан Р. Виновники и жертвы войны. М.: Народоуправство, 1917. – 15 с.

¹⁰⁴Краинский Н.В. Психофильм русской революции. М., 2016. С. 25, 37.

¹⁰⁵Снесарев А.Е., Керсновский А.А. Философия войны. С. 324.

18. Руга В., Кокарев А. Война и москвичи. Очерки городского быта 1914 – 1917 гг. М.: ОЛМА; Владимир, 2011. – 678 с.
19. Руткевич А.М. Идеи 1914 года. М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 51 с.
20. Семина Х.Д. Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 г.г. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1. Нью Мексико, 1963. – 303 с.
21. Снесарев А.Е., Керсновский А.А. Философия войны. М.: Вече, 2018. – 332 с.
22. Уткин А.И. Первая мировая война. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2002. – 556 с.
23. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука: Университетская книга, 1999. – 230 с.
24. Фергюсон Н. Горечь войны: новый взгляд на Первую мировую. М.: АСТ, 2019. – 635 с.
25. Чемберлен Х.С. Основания девятнадцатого столетия. В 2 т. Т. II Т. II. СПб.: Русский мир, 2012. – 688 с.
26. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга: 1-я Госполит, 1924. – 72 с.
27. Эренбург И. Лик войны. Воспоминания с фронта, 1919, 1922, 1924. Газетные корреспонденции и статьи, 1915 – 1917. СПб.: Европейский ун-т, 2014. – 349 с.
28. Юнгер Э. В стальных грозах. СПб., 2000. – 328 с.
29. Angelow J. Kalkül und Prestige: Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2000. – 530 p.
30. Clark Ch. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. NY: Harper Perennial, 2014. – 697 p.
31. Girardet R. Le nationalism français, 1871 – 1914. Paris, 1966.
32. Förster S. Der doppelte Militarismus. Die Deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-quo-Sicherung und Aggression (1890–1913). Wiesbaden; Stuttgart, 1985.
33. Uncovered Fields. Perspectives in First World War Studies / Ed. by J. MacLeod and P. Purseigle. Leiden; Boston: Brill, 2004. – 302 p.
34. Heinsohn G. Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Zürich, 2003.
35. Soroka M. Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Aleksandr Benckendorff (1903–16). Farnham; Burlington, 2011.
36. Scheler M. Gesammelte Werke. Bern, 1955. Vol. 3.
37. Schmid V. Der “Eiserne Kanzler” und die Generäle: Deutsche Rustungspolitik in der Ära Bismarck (1871–1890). Paderborn, Ferdinand Schöningh Verlag, 2003.
38. Stromberg R.N. Redemption by War: The Intellectuals and 1914. Lawrence, 1982.
39. Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006.
40. Ziemann B. Front und Heimat. Ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914 – 1923. Essen, 1997.
41. Ziemann B. War Experiences in Rural Germany. 1914 – 1923. Oxford, N.Y., 2007.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, Российской Академия наук, (Россия, 117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@list.ru

AT THE ORIGINS OF THE FIRST WORLD WAR: MUTINY IN THE EUROPEAN MIND

V.P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Analyzing the causes of the outbreak of the First World War, historians are ready to admit that «Europe has gone crazy», but they do not find the reasons for this phenomenon. The notion still prevails that "rational minded" politicians could have prevented a European conflict. The author shows that the origins of the war were deeper. It was preceded by an increase in extreme emotional tension in all strata of European society, due to the demographic boom, the rejuvenation of the population, the information revolution and other factors not noticed by researchers. Under these conditions, the ideas of imperialism and internationalism, militarism and pacifism, nationalism and socialism clashed. As a result, the communicative mind was suppressed by a kind of communicative instinct, which made possible the outbreak of European war.

Keywords: *Europe, World War I, Russia, cultural conflicts, mass consciousness, patriotism, nationalism, socialism.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokchorovich – The Doctor of History, The Chief Researcher, The Institute of Russian History, The Russian Academy of Sciences, (117036, Russia, Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19), e-mail: kuroneko@list.ru

References:

- Gilbert M., *Pervaya Mirovaya vojna*, M., 2016. – 768 s.
Gobson Dzh., *Imperializm*, M., 2009. – 286 s.
Dmovskij R., *Germaniya, Rossiya i pol'skij vopros*, SPb., Aletejya, 2017. – 207 s.
Kigan Dzh., *Pervaya mirovaya vojna*, M., AST, 2002. – 572 s.
Kir'yanov Yu.I., *Pravye partii v Rossii. 1911 – 1917*, M., ROSSPEN, 2001. – 461 s.
Krainskij N.V., *Psihofil'm russkoj revolyucii*, M., Institut russkoj civilizacii, 2016. – 617 s.

- Landau G.A., *Sumerki Evropy*, M., SPb., Centr gumanitarnyj initsiativ, 2022. – 360 s.
- Levic'kij K., *Istoriya politichnoj dumki galic'kih ukraïnciv 1884 – 1914: Na pidstavi spominiv*, L'viv, 1926. – 736 s.
- Lyudvig E., *Poslednij Gogencollern (Vil'gel'm II)*, L., Krasnaya gazeta, 1929. – 314 s.
- Masarik T., *Mirovaya revolyuciya*, Praga, Plamya-Orbis, 1927. – 367 s.
- Mironov V.V., *Avstro-Vengerskaya armiya v Pervoj mirovoj vojne: raz-rushenie oplota Gabsburgskoj monarhii*, Tambov, Izd-vo TGU, 2011. – 408 s.
- Morozova N.V., Nazarova T.P., *Evolyuciya «obraza vraga» v soznanii russkogo obshchestva v gody Pervoj mirovoj vojny (po materialam cen-tral'noj pechati)*, Volgograd, Volgogradskij GAU, 2015. – 335 s.
- Popov K., *Vospominaniya kavkazskogo grenadera*, Belgrad, Russkaya tipografiya, 1925. – 282 s.
- Ruga V., Kokarev A., *Vojna i moskvichi. Ocherki gorodskogo byta 1914 – 1917 gg.*, M., OLMA; Vladimir, 2011. – 678 s.
- Rutkevich A.M., *Idei 1914 goda*, M., NIU VSHE, 2012. – 51 s.
- Snesarev A.E., Kersnovskij A.A., *Filosofiya vojny*, M., Veche, 2018. – 332 s.
- Utkin A.I., *Pervaya mirovaya vojna*, M., EKSMO: Algoritm, 2002. – 556 s.
- Sheler M., *Resentiment v strukture morale*, SPb., Nauka: Universitetskaya kniga, 1999. – 230 s.
- Fergyuson N., *Gorech' vojny: novyj vzglyad na Pervuyu mirovuyu*, M., AST, 2019. – 635 s.
- Chizhevskij A.L., *Fizicheskie faktory istoricheskogo processa*, Kaluga, 1-ya Gospolit, 1924. – 72 s.
- Yunger E., *V stal'nyh grozah*, SPb., 2000. – 328 s.

Статья поступила в редакцию 14.12.2021 г.